

Савинков Борис Викторович

То, чего не было. Три брата

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Викторович С.**
То, чего не было. Три брата: Роман / Савинков Борис Викторович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 407 с.

ISBN 978-5-519-84372-0

ISBN 978-5-519-84372-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

За границей Андрей Болотовъ испытывалъ ту же тревогу, какую испытываетъ ревнивый хозяинъ, довѣривъ въ чужія руки хозяйство. Огромная, разбросанная по всей Россіи, партія, со своими динамитными мастерскими, тайными типографіями, боевыми дружинами, областными и губернскими комитетами, крестьянскими братствами, рабочими группами, студенческими кружками, офицерскими и солдатскими союзами, со своими удачами, пораженьями, стачками, демонстраціями, интригами и арестами, казалась ему большимъ и сложнымъ хозяйствомъ, требующимъ всегда прилежнаго глаза. Онъ не понималъ, что и товарищамъ его,—старiku Арсенію Ивановичу, доктору Бергу, Вѣрѣ Андреевнѣ, Аркадію Розенштерну и многимъ другимъ,—партія тоже представляется цвѣтущимъ хозяйствомъ, но не его, Болотова, хозяйствомъ, а любого изъ нихъ. Но если бъ онъ это и понималъ, онъ бы не могъ измѣниться. Онъ бы не могъ перестать чувствовать то, что единственно давало силу работать и жить «нелегально», то-есть работать и жить безъ семьи, безъ угла и безъ имени, и безбоязненно ожидать тюрьмы или смерти. Только затаенная увѣренность, что партія—мать революціи, и что онъ,

Андрей Болотовъ, самый вѣрный, самый послушный, самый самоотверженный ея членъ,—увѣренность, что безъ него, безъ хозяина, партія распадется и хозяйство его обнищаетъ, давала ему эту силу. И поэтому онъ не только не отдыхалъ, но испытывалъ ту тревогу, какую испытываетъ каждый хозяинъ.

Когда Болотовъ закончилъ дѣла за границей, и настало время возвращаться въ Россію, тревога эта достигла крайняго напряженія. Онъ увѣренно зналъ, что товарищи продолжаютъ раздавать запрещенныя книги, печатать воззванія, устраивать забастовки и изготавливать бомбы. Онъ зналъ, что тѣ люди, которые по самымъ разнообразнымъ причинамъ собрались вмѣстѣ и создали живое и многосложное цѣлое, партію, продолжаютъ, какъ муравьи въ муравейникѣ, дѣлать свою незамѣтную и необходимую имъ работу. И все же ему съ жестокой отчетливостью казалось, что на этотъ разъ, вернувшись домой, онъ найдетъ жалкія развалины того, что оставилъ: разрушенный и смятый дерзкимъ врагомъ муравейникъ.

Уже давно прошло трудное время, когда онъ чувствовалъ страхъ. Какъ морякъ привыкаетъ къ морю и не думаетъ, что утонетъ; какъ солдатъ привыкаетъ къ войнѣ и не думаетъ, что будетъ убитъ; какъ врачъ привыкаетъ къ тифу или чахоткѣ и не думаетъ о заразѣ,—такъ и Болотовъ привыкъ къ своей безыменной жизни и не думалъ, что его могутъ повѣсить. Но гдѣ-то въ глубинѣ усыпленной души жило темное и многотревожное чувство,—то самое, которое не покидаетъ ни моряка, ни врача, ни солдата. Повинуясь ему, Болотовъ безотчетно, по скучной привычкѣ, слѣдовалъ «конспираціи». Онъ не прятался отъ родныхъ и знакомыхъ, а просто не могъ бы понять, какъ можно безъ нѣжды, для развлечения видѣться со знакомыми и родными. Онъ не умалчивалъ

о партійныхъ дѣлахъ, а просто не могъ бы понять, зачѣмъ говорить о нихъ съ посторонними. Онъ не чуждался каждаго новаго человѣка, а просто не могъ бы понять, какъ можно вѣрить первому встрѣчному. Онъ не видѣлъ, что всѣ его отношенія съ людьми, начиная съ дворниковъ и швейцаровъ и кончая матерью и отцомъ, построены на боязни, на усердномъ желаніи скрыть тѣ подробности жизни, которыя единственно занимали его. Но если бъ онъ это увидѣлъ, онъ бы не могъ жить иначе. Онъ сказалъ бы себѣ, что эта ложь праведна, ибо только строгою тайною охраняется партія, то-есть необходимое для революціи, его хозяйство.

Еще у всѣхъ были въ памяти убійство Плеве, кровавое воскресенье, взрывъ 4-го февраля, и Ляоянь, и Портъ-Артуръ, и Мукденъ. Всѣ, старые и молодые, чиновники и рабочіе, военные и студенты, сторонники правительства и социалисты, одинаково чувствовали, что происходитъ что-то новое, небывалое и потому страшное: колеблется ветхій, привычный, вѣками освященный, порядокъ. Но хотя всѣ это чувствовали, всѣ продолжали жить, какъ всегда: своими ничтожными житейскими интересами. Такъ же, какъ всѣ, жилъ и Болотовъ. Онъ читалъ въ революціонныхъ листкахъ и самъ писалъ въ партійныхъ газетахъ, что «народъ пробудился», что «уже гордо поднято красное знамя» и что «недалеко то время, когда падутъ оковы самодержавія». Но онъ читалъ и писалъ это не потому, что понималъ величавый смыслъ совершавшихся въ то время событій, а по многолѣтней привычкѣ говорить и писать именно эти слова. Зоркій хозяинъ, онъ давно замѣтилъ ростъ своей партіи и, замѣтивъ его, увѣровалъ въ неотвратимую и побѣдоносную революцію. Побѣды правительства онъ предвидѣть не могъ; онъ думалъ, что возстанутъ крестьяне, сто милліоновъ русскихъ крестьянъ. И, думая такъ, онъ

былъ занятъ своимъ ежедневнымъ хозяйскимъ дѣломъ, и пока онъ былъ занятъ именно имъ, онъ, дѣйствительно, былъ полезенъ той революціи, въ которую вѣрилъ.

Въ Берлинѣ, наканунѣ отъѣзда въ Россію, онъ сбрилъ бороду, выбралъ англійское, темное, не бросающееся въ глаза, пальто, снялъ улику—широкополую шляпу — и надѣлъ котелокъ. Не отдавая себѣ отчета, онъ сдѣлалъ это тщательно и обдуманно. Ему нужно было слиться съ толпой: слиться съ толпой и быть такимъ, какъ и всѣ, значило избѣжать досаднаго «наблюденія».

Уже сидя въ вагонѣ, онъ купилъ не любимый социалистическій «Vorwärts», а бульварную, чужую ему газету. По привычкѣ, закрывшись ею, онъ просмотрѣлъ телеграммы. На первой страницѣ было крупными буквами напечатано: «Гибель русской эскадры».

Когда Стессель сдалъ Портъ-Артуръ и потомъ, послѣ рокового Мукдена, — Болотовъ не испыталъ ничего, кромѣ радости. Всякую войну онъ считалъ преступленіемъ, во всякой войнѣ видѣлъ бойню, всегда вредную и жестокую. Но если бы кто-нибудь спросилъ, что онъ думаетъ о японской войнѣ, онъ бы, безъ колебанія, отвѣтилъ, что японская «авантюра», хотя и жестока, но полезна. Онъ бы не могъ отвѣтить иначе. Онъ думалъ, что пораженіе Россіи—пораженіе самодержавія, побѣда японцевъ—побѣда революціи, то-есть побѣда партій, то-есть его, Болотова, побѣда. Противорѣчія этихъ двухъ мнѣній онъ не видѣлъ, какъ не видѣлъ никто, кто слушалъ на митингахъ его рѣчи.

Но теперь, прочитавъ телеграмму, онъ не испыталъ радости—знакомаго и немного стыднаго чувства своей побѣды: въ эскадрѣ Рождественскаго служилъ его братъ, лейтенантъ флота, Александръ Болотовъ.

«Какъ только дымъ пронесло,—телеграфировалъ нѣмецкій корреспондентъ,—бой возобновился съ удвоен-

ной силой. Всѣ японскіе корабли сосредоточили огонь на броненосцѣ «Ослябя», и скоро «Ослябя», весь въ пламени, вышелъ изъ строя. Пожары начались и на «Суворовѣ» и на слѣдовавшемъ за нимъ «Александрѣ». Потомъ загорѣлось «Бородино» и другія суда. Всѣ японскія силы были въ полномъ составѣ, и такъ продолжался бой до 2 ч. 20 м. пополудни. Въ 2 ч. 50 м. «Ослябя» пошелъ ко дну».

Болотовъ закрылъ глаза. Онъ попытался вообразить, какъ идетъ ко дну броненосецъ. Однажды, въ океанѣ, у французскаго берега, онъ замѣтилъ затонувшую шкуну: вершины двухъ сиротливыхъ мачтъ. И теперь, воображая «Осляблю», онъ невольно видѣлъ передъ собою этотъ неизвѣстный корабль. Онъ зналъ, что на затопленномъ броненосцѣ погибло въ морѣ нѣсколько сотъ молодыхъ и здоровыхъ людей. Какъ социалистъ и революціонеръ, онъ долженъ былъ возмутиться,—возмутиться тѣмъ, что онъ называлъ преступною бойней. Но не было возмущенія: онъ не могъ представить себѣ ни разгрома эскадры, ни разбитыхъ, горящихъ судовъ, ни гибели «Осляби», ни простой и страшной матросской смерти. Газетная телеграмма оставалась сухимъ клочкомъ печатной бумаги.

«Когда вышли изъ строя «Суворовъ» и «Александръ»,—читалъ Болотовъ дальше,—корабли повелъ броненосецъ «Бородино», оставшійся головнымъ. «Суворовъ», охваченный пламенемъ, все еще продолжалъ бой, но вскорѣ, подъ японскимъ огнемъ, потерялъ переднюю мачту и обѣ трубы. Находившійся на «Суворовѣ» главнокомандующій адмиралъ Рожественскій еще въ началѣ боя былъ раненъ осколкомъ и переданъ на дестроеръ «Буйный». Командованіе перешло къ адмиралу Небогатову. Въ 7 ч. вечера начался сильный пожаръ на «Бородинѣ», и онъ, весь въ пламени и дыму, пошелъ ко дну».

Болотову вспомнился его братъ, невысокій, широкоплечій молодой офицеръ во флотскомъ мундирѣ. О братѣ онъ думалъ рѣдко. Онъ зналъ, что братъ на войнѣ, на Дальнемъ Востокѣ, и не сочувствуетъ революціи. Этого было довольно. Было некогда думать о томъ, что непосредственно не касалось возлюбленной партіи. Но теперь стало жутко: «Не убить ли... Кто?... Братъ?... Саша?... Не убить ли Саша тамъ, въ Цусимскомъ бою?»...

И отчетливо, во всѣхъ подробностяхъ ясно, какъ иногда бываетъ во снѣ, встала передъ его глазами картина боя. Вотъ тяжелый, черный, израненный броненосецъ. Разстрѣляны трубы. Разбиты пушки. Раздроблены мачты. Но еще вьется Андреевскій флагъ... А вотъ блѣдный, въ изорванномъ мундирѣ, весь въ крови, Саша. Даже видно, гдѣ онъ лежитъ: на горбатой и мокрой желѣзной палубѣ, навзничъ, у правой кормовой башни. Даже показалось, что качнуло корабль и черезъ полузатопленную корму съ плескомъ бьютъ волны. Даже былъ слышенъ этотъ гремячій плескъ.

«Адмиралъ Небогатовъ,—уже не понимая словъ, читалъ Болотовъ,—поднялъ сигналъ о сдачѣ, и четыре русскихъ броненосца: «Николай I», «Орелъ», «Апраксинъ» и «Сенявинъ», 16 мая въ 10 ч. 30 м. утра сдались японской эскадрѣ».

...«Саша убить... Неужели Саша убить?»... И снова четко вспомнился братъ, какимъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Петербургѣ, на Невскомъ, въ осенній холодный и солнечный день. Спокойные, молочно-голубые глаза и насмѣшливая улыбка: «Прощай, Андрюша, намъ съ тобою не по дорогѣ»... Вспомнился и свой жестокий отвѣтъ. И захотѣлось вернуть этотъ солнечный день, свои озлобленные слова, и обнять, и забыть,—какъ казалось теперь,—напрасную рознь.

Поѣздъ, свистя, загремѣлъ буферами. Блеснули мутные фонари. Мелькнули сѣрыя шинели жандармовъ. Въ вечернемъ воздухѣ странно прозвучали русскіе голоса. Граница. Александрово.

Болотовъ бросилъ газету. Стараясь не думать ни о Цусимскомъ боѣ, ни о Небогатовѣ, ни о братѣ, ни объ «Ослябѣ», онъ пошелъ къ дверямъ таможенной залы. Высокій, бритый, худой, съ сигарой въ зубахъ, онъ напоминалъ англичанина. И, дѣйствительно, у него въ карманѣ былъ англійскій паспортъ: Генри Макъ-Мюръ. Въ тѣсной, полной жандармовъ, залѣ было жарко и скучно ждать. И его доброе и твердое, съ такими же, какъ у брата, голубыми глазами, лицо, не выражало ничего, кромѣ безразличной скуки.

Утромъ, уже изъ Варшавы, онъ далъ телеграмму въ Берлинъ: «Alles bezahlt», что значило: «проѣхалъ благополучно».

II.

Приѣхавъ съ утреннимъ поѣздомъ въ Петербургъ, Болотовъ въ тотъ же день подъ вечеръ, когда стемнѣло, позвонилъ въ пятомъ этажѣ громаднаго дома на Лиговкѣ. Еще изъ прихожей, снимая пальто, онъ услышалъ сухой и рѣзкій, надтреснутый басъ Арсенія Ивановича. Отвѣчалъ ему чей-то другой, взволнованный голосъ.

— Да нѣтъ, что же тутъ страшнаго? — внушительно говорилъ Арсеній Ивановичъ. — Страшнаго, кормилецъ, я не вижу тутъ ничего: вода не на ихъ, а на нашу мельницу. Третьяго дня—Портъ-Артуръ, вчера—Мукденъ, сегодня—Цусима. Кто въ барышахъ? Японцы? Не одни только японцы... Я—человѣкъ старый, а я вамъ скажу: къ осени армія будетъ наша. Вы думаете, у насъ тамъ нѣту людей?—Есть, кормилецъ, найдутся. Наши люди всюду пройдутъ... гдѣ прыжкомъ, гдѣ бочкомъ, гдѣ

ползкомъ а гдѣ и на карачкахъ...—прибавилъ онъ весело и засмѣялся.

Болотовъ уже много лѣтъ зналъ Арсенія Ивановича. Арсеній Ивановичъ, бодрый, бѣлый, какъ лунь, старикъ, былъ одинъ изъ основателей партіи. Онъ гордился тѣмъ, что отецъ его былъ крестьянинъ и что самъ онъ въ юности пахалъ землю. Но отъ этого былого крестьянства остались только мудренныя поговорки, слово «кормилецъ», густая, лопатою борода, да незыблемый авторитетъ человѣка, не изъ книгъ, а изъ жизни знающаго деревню. «Мое слово — олово», часто говаривалъ онъ, и его слову вѣрили и цѣнили его.

— Что значить?.. Я не о томъ, — горячился молодой, незнакомый голосъ. — Въ этомъ я съ вами согласенъ... Я спрашиваю: какъ можно служить? Развѣ социалистъ можетъ служить въ войскахъ?.. Странно... Когда это прин-ци-пи-ально недопустимо...

И вдругъ тутъ, въ полутемной, чужой прихожей, между грязными шляпами и пальто, передъ Болотовымъ снова въ мельчайшихъ подробностяхъ ясно встала картина безславнаго боя. Вотъ тяжелый, черный, четырехтрубный корабль. У правой кормовой башни, павзничъ, въ крови, лежитъ Саша, и черезъ полузатопленную корму лѣниво плещутъ шумящія волны.

Арсеній Ивановичъ говорилъ прописи, партійныя истины, именно то, что на его мѣстѣ сказалъ бы самъ Болотовъ. Но на этотъ разъ эти затверженные слова показались неправдивыми и ненужными.

... «Саша... Гдѣ Саша?..»

«Но дважды ангелъ вострубитъ,
На землю громъ небесный грянетъ,
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери стпрянетъ»...

«Братъ отъ брата побѣжить»... — вспомнилъ Болотовъ забытые стихи Пушкина. — «Вотъ и Саша ушелъ... А Арсеній Ивановичъ смѣется... Да что это я? Развѣ Арсеній Ивановичъ не правъ? Развѣ армія скоро не будетъ наша? Развѣ Цусима не откроетъ солдатамъ глаза?.. Что это со мною?»... опомнился онъ и сильно толкнулъ скрипучую дверь.

Въ свинцовыхъ волнахъ табачнаго дыма тонули Арсеній Ивановичъ, докторъ Бергъ и неизвѣстный Болотову молодой человѣкъ, товарищъ Давидъ. Вѣра Андреевна, высокая, еще не старая женщина съ изнуреннымъ, желтымъ лицомъ, по тюремному — торопливо, шагала по комнатѣ.

Два раза въ недѣлю собирались они для своего ежедневнаго партійнаго дѣла, и это ежедневное дѣло казалось имъ тяжкимъ бременемъ управленія партіей. Какъ каменщикъ, роя фундаментъ, разгружая кирпичъ и поднимая ведра съ цементомъ, исполняетъ скромную и полезную работу строителя, такъ и они, долготерпѣливо и скромно, камень за камнемъ, строили партію. Но какъ каменщикъ не властенъ разрушить домъ или не достроить его, а властенъ въ этомъ только нанявшій его хозяинъ, такъ и они были не властны надъ революціей, и попытки ихъ руководить ею были всегда и неизмѣнно безсильны.

Когда Болотовъ окончилъ докладъ о своей заграничной поѣздкѣ, докторъ Бергъ сухо изложилъ важнѣйшую цѣль засѣданія. Товарищъ Давидъ, «военный организаторъ», членъ партіи, «работающій» исключительно въ войскахъ, пріѣхалъ въ Петербургъ сообщить, что въ городѣ Н. волнуется пѣхотный полкъ, что въ полку этомъ готово вспыхнуть возстаніе. Члены мѣстнаго комитета и въ томъ числѣ онъ, Давидъ, не рѣшились что-либо предпринять, не испросивъ дозволенія старшихъ товарищей.

И сейчас же, въ накуренной, душной комнатѣ, они перешли къ дѣлу, то-есть заговорили о томъ, слѣдуетъ или нѣтъ начинать возстаніе. Они говорили въ увѣренности, что отъ ихъ разговоровъ зависить судьба двухъ тысячъ солдатъ. Они забывали, что, если люди рѣшаются на убійство, на бунтъ и на смерть, то, конечно, не потому, что пятеро неизвѣстныхъ считаютъ это хорошимъ, полезнымъ и нужнымъ, и что рѣшеніе этихъ людей зависить отъ неисчислимаго множества непредвидимыхъ и случайныхъ причинъ. Главное же, они забывали, что никто надъ чужою жизнью не властенъ, и что люди въ минуту смертельной опасности руководятся не запретами и приказами, и даже не чувствомъ долга, а своими тайными, имъ однимъ понятными, интересами. И сѣдому Арсенію Ивановичу, и доктору Бергу, и измученной Вѣрѣ Андреевнѣ, и самому Болотову казалось естественнымъ и законнымъ, что товарищъ Давидъ, близкій десятку солдатъ, пріѣзжаетъ отъ имени всего полка спросить у нихъ, неизвѣстныхъ, когда именно нужно всему полку начать убивать и умирать. И Давиду это тоже казалось естественнымъ и законнымъ.

Давидъ, болѣзненный, тщедушный, съ бѣлокурой бородкой, еврей, стоя посреди комнаты, говорилъ, заикаясь и въ волненіи размахивая руками:

— Въ полку сорокъ процентовъ сознательныхъ унтеръ-офицеровъ. Въ каждой ротѣ кружокъ. Вся учебная команда наша... Ну... Въ полку недовольство... Возстаніе вполне возможно, а главное, понимаете, главное, солдаты этого требуютъ... Пропаганда поставлена съ осени... Арестовъ не было... Полковой командиръ звѣрь... Когда я уѣзжалъ, товарищи, представители ротъ, рѣшили единогласно... И если вы не позволите, возстаніе все равно будетъ... — почти закры-